

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.25688/2076-913X.2019.34.2.14

С.А. Васильев

«Река незабвенья» (о поэтическом творчестве И.А. Рыбакова)

Известный представитель отечественной культуры, заслуженный деятель искусств России И.А. Рыбаков создал при поддержке коллектива единомышленников на базе музея-усадьбы «Абрамцево» Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник, которым он руководил около тридцати лет. Выпускник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, журналист, работник аппарата Загорского района Московской области, он на протяжении всей своей жизни обращается к художественному творчеству. И.А. Рыбаков — член Союза писателей России, лауреат литературных премий, автор книг прозы и поэзии, многократно переизданной краеведческой работы «По Радонежской земле».

Этапной, итоговой является для писателя поэтическая книга «Все» [5], которая включает в себя произведения, написанные еще в детстве, начиная с первой поэтической миниатюры 9-летнего Ванятки. Именно так звали мальчика в родном селе Константиново (ныне Сергиево-Посадского района). Ранним годам жизни и взрослению в Константинове и Чиркове И.А. Рыбаков посвятил повесть «Детство Ванятки» (2008), первую часть автобиографической трилогии, вызывающей в памяти знаменитые «Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Н. Толстого, «Детство Никиты» А.Н. Толстого, другие произведения русской классики о детстве. Книга «Все» содержит также ряд поэтических циклов, объемный раздел поэм и стихотворения, опубликованные в 2018 г.

Автор произносит это «Все» так энергично и даже озорно, что приходит на ум русская пословица, зафиксированная В.И. Далем: «Да не все разом». В самом деле, книга, не включающая буквально «всего» из написанного в стихах, далека от академического посыла «собрать все, написанное классиком», она полна юмора, живой реакции на общественные проблемы последних десятилетий, отличается лиризмом литературного воплощения любовной темы, предполагает глубокое раздумье, неторопливое чтение. «Все» — это черта,

этап, но прежде всего искренний, доверительный разговор с читателем, литературное осмысление сложных, болезненных, трагических, а также непреходящих, вечных, философских вопросов, связанных с постижением *универсума* (от латинского «всеобщий») и места человека в нем. Это восхождение от малой родины, деревни (и постоянное возвращение к ней), к Родине и к Богу.

Мир поэта, умеющего трезво взглянуть и на низменные стороны жизни, тем не менее исполнен света, любви, радости: «Радуюсь каждому часу, / радуюсь каждой минуте, / Господу нашему, Спасу, / что нас отвел от смуты. <...> Радуюсь теплему ветру, / радуюсь тихой мольбе, / радуюсь каждому метру / дороги, ведущей к тебе» («Радуюсь», 2009) [5, с. 255, 256]. Такая радость не может быть легковесна, она поэтический и жизненный ответ на слова апостола Павла: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (2 Фес. 5:16–18). Строфическая (дважды или троекратно повторенная и внутри строф) анафора *радуюсь* напоминает о популярном церковном жанре акафиста (буквально «неседальная песнь», песнопение, исполняемое стоя; хвалебная песнь, торжественный гимн), структура которого состоит из чередующихся кондаков (кратких хвалебных песнопений) и икосов, развернутых славословий с анафорическим *радуйся*. Однако стихотворение поэта не религиозный текст, а *образ молитвы* — лишь одна из граней его внутренней формы. Поэт, соединяя макрокосм и микрокосм, радуется и «белому свету», и «малой букашке». Заключительная строфа с характерным enjambement («каждому метру / дороги»), предвещающим пуант, в качестве лирической кульминации обозначает тему земной любви к женщине («радуюсь каждому метру / дороги, ведущей к тебе»).

«Все» И.А. Рыбакова, пользуясь выражением В.В. Маяковского, книга «о времени и о себе», о судьбах Отечества и русской культуры в трагическую, разрушительную эпоху конца 1980–1990-х гг., о современных нерешенных социальных и нравственных проблемах. В этом контексте его стихи соотносимы с гражданской лирикой иеромонаха Романа (Матюшина), Ю.П. Кузнецова, Ю.И. Минералова, поэтов-патриотов рубежа XX–XXI вв.

Эпоха перестройки изображена как время измельчания душ и дел: «Мы, как блохи иль клопы, / прыгаем, кусаем, гадим... / На одних мы морщим лбы, / а с другими мирно ладим» (ср. социальную сатиру начала XX в.: пьесы В.В. Маяковского «Клоп», Е.И. Замятина «Блоха»). Однако это и период надежд, роста личности, «время доброты» — для доброго человека, автора и лирического героя: «Это время доброты, — / быть на свете человеком. / И не думать, — с грозным веком / Разговаривать “на ты”» [5, с. 108, 110] («Перестройка», 1990; здесь и далее выделено мной. — С. В.). Один из ориентиров писателя в это время — пушкинский образ «И в просвещении стать с веком наравне» («Чедаеву», 1821) [4, с. 187].

Однако прекраснодушный гуманизм, пусть и искренний, совсем скоро уступил место горькому прозрению: «Шестая часть земли, готовая плясать, / Рыдать и наслаждаться миром, / Уже сняла последние штаны / И отдала

последнюю рубаху, / Не за понюх простого табака, / Не за кусок говядины тушеной. / За приглашение старого рантье / На праздник процветающей Европы» («4 ноября 1990 года», 1990) [5, с. 110]. Стихи написаны преимущественно пятистопным белым ямбом — размером жанра трагедии («Борис Годунов» А.С. Пушкина), что, с учетом тематики в целом и вопреки календарю, вовсе не предпраздничного настроения — «То будет день седьмого ноября / безрадостный, безликий — невеселый» — создает характерный семантический фон произведения. Традиционный христианский символ бескорыстия, отразившийся во фразеологии русского языка (отдать последнюю рубаху), трагически переосмыслен эпохой и поэтом как знак гибельного легкомыслия, отступничества: «Штаны пришлись по росту и рубаха / Приятно держится на плечах иноземца» [5, с. 111]. Если в начале советской эпохи русскому поэту хотелось, «Здрав штаны, / Бежать за комсомолом» (С.А. Есенин. «Русь уходящая») [2, т. 2, с. 102], то теперь не задранные, т. е. подвернутые для скорости передвижения и лучшей сохранности, а снятые штаны становятся знаком постыдного оголения, оскудения души, блуждания во тьме и блуда. Отсюда и «Картинка» (1992) из «лихих девяностых», написанная формально «легким», но семантически «отягченным», подчеркивающим за журналистской очерковостью трагизм изображенного, двустопным амфибрахией с чередующимися женской и мужской клаузулами: «Напротив в юбчонке / девчушка сидит; / Черты ее тонки, / приятна на вид. / Бокал пепси-колы / и взгляд в никуда. / Как будто из школы / сбежала сюда, / за сигарету, / за “пепси” бокал..., / затем по паркету / пройтись на вокзал» [5, с. 122].

В душе поэта всегда живо воспоминание о малой родине, родном Подмоскowie, русском деревенском мире. Это главная тема творчества писателя. В книге «Все» ей посвящен раздел «Стихи о Родине», поэма «Росы детства», многие другие произведения. Нередко в жанровом плане они строятся на соотношении с музыкой. Так, «Московия», по авторскому определению, «торжественная песня» — гимн Подмоскowie, есть романсы, песни, вальс. В «программном» стихотворении «Мой путь», имеющем тоже аллюзивную музыкальную основу (знаменитая песня Фрэнка Синатры «Му way»), присутствует это запечатленное в художественном слове спасительное и жизнестроительное переживание родного дома, семьи, близких людей: «Когда наступит мой последний час, / в сознании памяти останутся три слова. / Произнесу я их, как в первый раз, — / Мать, Бабушка, Чирково» [5, с. 327]. Эта же четвертая строка из первой строфы завершает стихотворение и повторяется уже с восторгом, как заново пережитая и обретенная истина, как пароль в мир света и вечности: «Мать, Бабушка, Чирково!» [5, с. 329]. Не случайно в конце поставлена не точка, а восклицательный знак, и все слова, включая первые два (Мать, Бабушка), написаны с заглавной буквы, что имеет обобщающее, символическое значение, ассоциативно указывает на традиции русской классики в изображении семьи, в первую очередь на произведения любимого автором С.Т. Аксакова: «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука».

Семейная тема раскрывается и через характерные бытовые детали, очерковое начало, что органично для стиля поэта, много сил отдавшего журналистике, общественной и административной работе. К таким стихотворениям, отражающим и реалии повседневной жизни прошлого, и отношения с отцом, и общий неумолимый ход времени, относится «Костюм». Подаренная сыном обновка оказалась стареющему человеку уже не впору: «Прошло мое время, — сказал мне отец, / костюм на себя примеряя, / И все же не верю, что скоро конец, / немного до вечного рая. / <...> хороший костюм подарил мне, сынок, / только ведь он не излечит; / штанам не хватает немножечко ног / и с плеч опускаются плечи» [5, с. 65]. Автором выстроен характерный контраст: раньше отцовский пиджак сидел на сыне «как влитой», а теперь сыновний подарок отцу «велик» (хотя обычно, как известно, большими оказываются для подрастающих младших именно вещи старших). Стихотворение завершает риторический вопрос, имеющий глубокий философский подтекст, образно сформированный поэтом: «Видишь, костюм-то велик мне, сынок... / Да разве же в этом дело?» [5, с. 65].

При раскрытии темы малой родины доминирует мажорный лад: радость, любовь, восхищение, благодарность. От родной деревни и милого Подмосковья автор переходит к Большой России, значительно укрупняя художественный план изображаемого. Внутренняя форма произведений нередко строится на парафразировании, литературном диалоге с поэтами, создавшими хрестоматийные образы Отечества: Н.А. Некрасовым, А.А. Блоком, С.А. Есениным, Н.М. Рубцовым. Стихотворение «Родина — Русь...» ритмически перекликается со знаменитой песней из некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Ты и убогая, / Ты и обильная, <...> Матушка-Русь! / <...> Сила с неправдою / Не уживается, / Жертва неправдою / Не вызывается» [3, с. 233, 234]. Однако некрасовский двустопный дактиль, четкий, без пропуска первого ударного слога, по-рыбаковски меняется: вторая дактилическая стопа оказывается усеченной, что делает лирический настрой более камерным, уводит от гимнического начала, а каждая следующая строка (кроме заключительного фрагмента) «разбавляется» чередующимся с двустопным дактилем двустопным же анапестом и в некоторых случаях двустопным амфибрахией: «Родина — Русь... / голубое раздолье. / Тихая грусть / и большое застолье. / Если б не знал, / начинал бы все снова. / Ты ль не весна, / Лебединое слово!» [5, с. 259].

Цветовая образность («голубое раздолье», «Синь на ветру — у перекрестка») напоминает о стихах С.А. Есенина («Я покинул родимый дом, / Голубую оставил Русь» [2, т. 1, с. 143]; «Гой, ты Русь, моя родная, / Хаты — в ризах образа... / Не видать конца и края, / Только синь сосет глаза» [2, т. 1, с. 50]; «Голубень» и др.). Однако и здесь поэт выстраивает собственные сочетания слов и образов, им найдены индивидуальные художественно-семантические нюансы: цвет концентрируется от голубого к синему, а этот второй, ассоциирующийся с перекрестком и, соответственно, темой распутий, расставаний, приобретает ноты тревоги и печали.

Образ Родины, большой и малой, раскрывается через оксюморон: «Не ты ли всегда / *необъятно-широкая* / ждешь у пруда / заросшей осокою» [5, с. 259], он строится с опорой на дорогие названия не только Московии, но и всей исторической Руси, СССР: «Родина — Русь — / неприметная станция, / ты и Бобруйск, / ты и Абрамцево» [6, с. 259]. Абрамцево в стихах поэта присутствует закономерно. Символ русского искусства и культуры, семейное гнездо знаменитых Аксаковых и Мамонтовых, именно оно стало почти на 30 лет предметом неустанных забот И.А. Рыбакова, не «отпускает» усадьба, музей-заповедник, и до сих пор.

С этой высокой и многотрудной миссией сохранения русской культуры, русского слова связано и понимание назначения, сверхзадачи собственного поэтического творчества (в котором есть и шутка, и литературная «безделка», и стилизация): «В наше время быть поэтом / это очень много значит. / Надо жить не по наветам, / а совсем, совсем иначе. / Надо помнить о Мессии, / он сильнее ветра моря. / Надо думать о России, — / как спасти ее от горя. / Все мы ходим в непогоде, / в этой жуткой круговерти. / Надо думать о Народе, — / Как спасти Его от смерти» (2000) [6, с. 195]. По мысли А.С. Пушкина, переданной Н.В. Гоголем, «слова поэта суть уже его дела» [Цит. по: 1, с. 45]. Это вполне применимо и к творчеству И.А. Рыбакова, много совершившего на ниве культуры не только словом, не как поэт по преимуществу. Четырехстопный хорей, ассоциирующийся прежде всего с переложениями фольклорных текстов, с народной, глубинной мудростью, безыскусственностью и искренностью, случай неточной рифмы с усечением (*значит — иначе*), внутренние созвучия, формирующие дополнительные смысловые планы (*наветам — ветра* и др.), придают стихотворению неповторимые стилевые черты.

Книгу «Все» невозможно представить без разговора о любовной теме, столь многоаспектно поданной поэтом. Любовь — это и смутные, но сильные весенние переживания («Майский вальс»), и тривиальное происшествие — «На пляже», и краткое увлечение с юмористически поданным расставанием («На отъезд Эллы»), и буйство разгула («Что ж еще?»), и «Другая любовь» («за наличные»), и тяжелая драма многих лет («Мы прожили срок немалый...»), и счастье дружбы, поддержки, доверия, ласки (многочисленные стихотворения, адресат которых — жена Ирина, «верная и славная подруга» [5, с. 328]), и раздумья о вечном («Я буду тебя любить»). Любовь вписана поэтом в картину мироздания, отражает сущность бытия, замысел Творца: «Не оброни и тени света, / Не урони былой красоты, / Ведь жизнь, что малая планета, / Что капля утренней росы» [5, с. 183].

Сказать все об интересной, талантливой, мудрой, светлой книге И.А. Рыбакова «Все» вряд ли удастся в небольшой статье. Помимо многочисленных стихотворений читатель найдет в книге поэтическую повесть об игумене Русской земли, ее ангеле-хранителе — преподобном Сергии Радонежском (ср.: [6]), поэму о Жанне д'Арк, вариацию на фрагмент «Слова о полку Игореве»,

поэтический диалог с Пушкиным («Здравствуй, Пушкин!»), лирические циклы, другие произведения, открывающие новые грани таланта писателя, показывающие широту его тематики и укорененность в традициях отечественной культуры. Пусть творческая копилка все более пополняется, пусть упомянутая поэтом «у вечности дней / река незабвенья» [5, с. 234] на пользу и на радость читателю тихо струит свои воды!

Библиографический список

Источники

1. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Сов. Россия, 1990. 432 с.
2. Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1997.
3. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Худ. произведения: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1982. 688 с.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 2. Кн. 1. М.: АН СССР, 1947. 608 с.
5. Рыбаков И.А. Все. Стихотворения и поэмы. Сергиев Посад: Ремарко, 2018. 496 с.

Литература

6. Васильев С.А. Образ Игумена земли Русской в поэме Т.К. Зульф리카рова «Откровения Сергия Радонежского» // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 4. С. 21–27.

References

Istochniki

1. Gogol' N.V. Vy'branny'e mesta iz perepiski s druz'yami. M.: Sov. Rossiya, 1990. 432 s.
2. Esenin S.A. Poln. sobr. soch.: v 7 t. M.: Nauka: Golos, 1997.
3. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch.: v 15 t. Xud. proizvedeniya: v 10 t. T. 5. L.: Nauka, 1982. 688 s.
4. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 16 t. T. 2. Kn. 1. M.: AN SSSR, 1947. 608 s.
5. Ry'bakov I.A. Vsyo. Stixotvoreniya i poe'my'. Sergiev Posad: Remarko, 2018. 496 s.

Literatura

6. Vasil'ev S.A. Obraz Igumena zemli Russkoj v poe'me T.K. Zul'fikarova «Otkroveni-ya Sergiya Radonezhskogo» // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'koe obrazovanie. 2014. № 4. S. 21–27.